

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.3

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-67-84

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА И ЕГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Грачев Н. И.

*Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать современные подходы к проблематике государственного суверенитета, пытающиеся осмыслить его фактически относительный и во многом конвенциональный характер в современном мире, выявить исследовательские проблемы, без решения которых модернизировать классическую теорию суверенитета невозможно. На основе их теоретичного решения попытаться дать более адекватное в смысловом и содержательном плане понятие государственного суверенитета, объединяющего в единой формуле его идею, фактическое и правовое содержание.

Процедуры и методы. В работе использованы общенаучные методы (системного анализа и синтеза, диалектический, формально-логический) и специальные методы исследования (сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический).

Результаты. Теоретическое осмысление методологических проблем исследования суверенитета, присутствующих во всех современных подходах к этому феномену, привело к выводу, что их решение возможно лишь на основе основных постулатов его классической концепции, берущей своё начало от Ж. Бодена, поскольку в ней содержится достаточно чёткий подход к решению большинства указанных проблем.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в том, что, проведя определённую коррекцию классической концепции применительно к современной эпохе заката глобализации и становления многополярного мира, автор предлагает пути решения целого ряда методологических проблем исследования суверенитета и даёт его собственное определение, претендующее на универсальность. Результаты данного исследования вносят существенный вклад в теорию государства и дают основу для дальнейшего изучения целого ряда политико-правовых явлений.

Ключевые слова: государство, суверенитет, многополярность, кризис суверенной государственности, верховная власть, чрезвычайная ситуация, право и правовой порядок

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE STUDY OF SOVEREIGNTY AND ITS POLITICAL AND LEGAL NATURE IN THE CONDITIONS OF THE FORMATION OF A MULTIPOLAR WORLD

N. Grachev

*Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
ul. Istoricheskaya 130, Volgograd 400089, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze modern approaches to the problem of state sovereignty, trying to comprehend its actually relative and largely conventional nature in the modern world, to identify research problems, without solving which it is impossible to modernize the classical theory of sovereignty; as well as to try to give a concept of state sovereignty based on their theoretical solution. This concept would be more adequate in terms of meaning and content, uniting its idea, factual and legal content in a single formula.

Methodology. The work uses general scientific methods (system analysis and synthesis, dialectical, formal logical) and special research methods (comparative legal, historical legal, formal legal).

Results. The theoretical understanding of the methodological problems of the study of sovereignty, present in all modern approaches to this phenomenon, led the author to the conclusion that their solution is possible only on the basis of the basic postulates of its classical concept, which originates from J. Bodin, since it contains a fairly clear approach to solving most of these problems.

Research implications of the article lie in the fact that, having carried out a certain correction of the classical concept in relation to the modern era of the globalization decline and the formation of a multipolar world, the author proposes ways to solve a number of methodological problems in the study of sovereignty and gives his own definition, which claims to be universal.

Keywords: state, sovereignty, multipolarity, crisis of sovereign statehood, supreme power, emergency situation, law and legal order

Введение

Упадок национально-территориальной государственности, со всей очевидностью обнаружившийся на рубеже XX–XXI вв. и связанный с процессами глобализации, построением однополярного мира с доминированием США как единственной сверхдержавы и формированием новых структур транснационального управления экономическими процессами на международном уровне, привёл к попыткам переосмысления и переоценки многих концептуальных положений юридической науки и политико-правовой практики. Прежде всего, подвергается пересмотру фундаментальная идея и международно-правовой принцип суверенитета как необходимого и значимого признака государства. В геополитической практике последних десятилетий можно было неоднократно наблюдать, как под прикрытием высоких лозунгов демократии, свободы и открытого общества

подчас уничтожался суверенитет целых стран¹. И несмотря на видимые признаки заката глобализации, связанные с выходом целого ряда государств из-под контроля США и становлением многополярного мира, суверенитет по-прежнему остаётся в нём очень дорогой и эксклюзивной вещью. В то же время не подлежит сомнению, что для целого ряда государств и народов он является условием выживания и существования². Это справедливо и по отношению к нашей стране. Сложившееся в последние годы международное положение ясно показывает, «что Россия либо будет суве-

¹ Путин В. В. Выступление на расширенном заседании Государственного Совета «О стратегии развития России до 2020 года» 08.02.2008 г. // Regnum: [сайт]. URL: <https://regnum.ru/news/954426.html> (дата обращения: 27.02.2021).

² См.: Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 04.12.2014 // Гарант: [сайт]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/587192/> (дата обращения: 27.02.2021).

ренной, либо её не будет вообще»¹. Таким образом, с одной стороны, феномен суверенитета и его теория переживают в настоящее время определённый кризис, но с другой – они по-прежнему сохраняют свой качественно фундаментальный характер, как для внешнеполитической деятельности государств, так и для юриспруденции.

В настоящее время в исследовании суверенитета видится целый ряд методологических проблем, без нахождения консенсуса по которым научному сообществу будет трудно двигаться в изучении этого явления в верном направлении.

Первые две проблемы связаны с господствующим в научном и учебном дискурсе определением государственного суверенитета. Под ним обычно понимается присущее государственной власти свойство верховенства внутри страны и качества независимости, самостоятельности государства в отношениях с иными странами при определении и осуществлении своей внутренней и внешней политики [10, с. 11–12]. Исходя из этого, в научных работах и в учебных изданиях суверенитет часто трактуется как важнейшая, качественная характеристика государственной власти, без которой она не может быть действительно высшей, главенствующей в пределах политически организованного территориального целого. С другой стороны, ничуть не реже суверенитет рассматривается в качестве одного из важнейших признаков государства, если и не всегда присутствующий реально, как наличный факт, то, во всяком случае, являющийся необходимым формально-юридическим атрибутом государства. С этим дуализмом феномена суверенитета связана первая методологическая проблема его исследования, которая окончательно так и не решена политико-правовой наукой: является ли он свойством государственной власти или качественным признаком государства? При этом нередко представители обеих точек зрения ино-

гда обоснованно, а чаще безосновательно, критикуют своих оппонентов.

Данное определение суверенитета не содержит в себе ясного указания на его носителя, суверена, хотя в теории принято считать, что одно не существует без другого и предполагает его. Исходя из буквального толкования указанного определения, можно сделать вывод, что таким носителем является государственная власть. Некоторые авторы утверждают это прямо, понимая под суверенитетом верховенство и неограниченность государственной власти [27, с. 7]. Но обычно качество носителя суверенитета в абсолютных монархиях приписывается монарху, а в республиках и современных конституционных монархиях сувереном теоретически и формально юридически признаётся народ.

Основоположник консервативного направления в политической науке Ж. де Местр считал истинным сувереном аристократию, проникнутую народным духом [36, р. 430]. Социалистическая теория суверенитета, наиболее полно разработанная И. Д. Левиным, разделяя его на политический и юридический, обосновывала, что первый принадлежит господствующему классу, а второй – государственным органам, представляя государство общим носителем суверенитета, воплощающим в себе единство политического содержания и юридической формы [16, с. 56]. При этом необходимо помнить, что под государством марксизм-ленинизм понимает организацию государственной власти, её механизм, аппарат, возвращая тем самым суверенитет всё той же государственной власти, а по сути правящей бюрократии.

Отсутствие хоть какого-то единства мнений по этому вопросу объясняют содержательную размытость и нечёткость указанного выше понятия суверенитета. Оно не может определить основное в его характеристике, а именно: а) какой социально-политический и (или) институциональный субъект(ы) определяет верховенство государственной власти по отношению к другим общественным силам и структурам внутри страны; б) какой организаци-

¹ Интервью В. В. Путина Медиакорпорации Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://rodon.org/polit-180606105728> (дата обращения: 27.02.2021).

онно-политический и правовой институт позволяет государству быть независимым от других государств и международных организаций и тем самым даёт ему возможность проводить самостоятельную и независимую политику.

Из этого вытекают 2 взаимосвязанные методологические проблемы. Одна требует для своего решения более адекватного в смысловом плане определения государственного суверенитета, содержащего какие-то вразумительные ответы на указанные вопросы и объединяющего в единой формуле фактическое содержание суверенитета с правовым. Другая имеет в виду необходимость установления возможных фактических и юридических носителей суверенитета.

Кроме того, суверенитет как политико-правовой феномен может рассматриваться в 3-х аспектах:

1) как идея, т. е. некий умопостигаемый образ, взятый в его потенциально имманентной цели и всех возможностей своего существования;

2) реально существующее явление, взятое в его историческом развитии;

3) юридическая конструкция, правовая форма закрепления, реально или идеально отображённая в конституционно-правовых нормах того или другого государства [7, с. 41].

Между тем в научных исследованиях далеко не всегда с достаточной чёткостью и ясностью можно определить: а) какой методологический срез суверенитета как научной категории (идеальный, реальный или формальный) подлежит рассмотрению в данном конкретном исследовании (параграфе, статье, монографии или даже контексте)? б) в чём и как проявляется реальное фактическое выражение суверенитета государства в качестве его признака? в) какой должна быть наиболее оптимальная юридическая формула закрепления верховенства государственной власти и независимости государства в его конституции, в наилучшей степени отражающая его суверенный статус?

Таким образом, четвёртая методологическая проблема при исследовании феномена суверенитета заключается в том, что авторы, пишущие по данной проблематике, нередко смешивают идею суверенитета или его конституционную конструкцию с фактически существующим или же, наоборот, отсутствующим в практике политического строительства того или иного государства явлением. Отсюда возникают неясности, смысловые противоречия, а иногда и нелепости в самих исследовательских подходах к государственному и народному суверенитету и их соотношению, в таких вопросах как абсолютность и относительность, полнота и ограниченность суверенитета, проблематике изменений суверенного статуса государств в ходе глобальных изменений в мире и др., поскольку авторы часто не указывают, какой из аспектов суверенитета как политико-правового явления они в данном конкретном случае имеют в виду. Так, например, многие учёные, акцентирующие внимание на необходимости переосмысления проблемы государственного суверенитета в условиях глобализирующегося мира, почти никогда не указывают какой из аспектов суверенитета как политико-правового явления (фактический или юридический) подлежит теоретическому пересмотру и оставляют за скобками вопрос, является ли по-прежнему актуальной сама политико-правовая идея суверенитета, в соответствии с которой он наделяется абсолютной природой или пересмотру подлежат лишь его современные юридические и фактические характеристики, связанные с текущим моментом исторического развития.

Классическая концепция суверенитета и практика функционирования суверенной государственности

Современное государствоведение признаёт, что теория суверенитета в разработанном виде была сформулирована во второй половине XVI в. французским легистом Ж. Боденом. Его справедливо называют отцом этой теории [18, с. 37].

Ж. Боден определяет суверенитет как неограниченную законами верховную власть над гражданами и подданными, постоянную и абсолютную власть государства. Такая власть, по его мнению, является необходимым атрибутом любого государства и выступает определяющим условием его существования [5, с. 136–137; 30, р. 179–181]. Именно с Ж. Бодена ведётся отсчёт классической концепции государственного суверенитета, последователями которой выступали такие выдающиеся философы и правоведы как Г. Гроций, Т. Гоббс, Б. Спиноза, Ж. де Местр, Г. Гегель, Б. Н. Чичерин, Н. Н. Алексеев, К. Шмитт и др. Они во многом развили его идеи, но принципиально содержание самой концепции не изменили, так что, по сути, она с момента своего возникновения не претерпела какого-то значительного усовершенствования.

Квинтэссенцию классической концепции суверенитета выразил в 3-х тезисах один из основных её критиков – Ж. Маритен [18, с. 54–55]. Во-первых, во внешней сфере суверенное государство обладает абсолютной независимостью по отношению к мировому сообществу. Она неотчуждаема и неотвергаема, и ни один международный пакт не может ограничить государство в его действиях, без того чтобы оно не утратило свою внешнюю самостоятельность и не перестало быть государством. Во-вторых, в своей внутренней жизни суверенное государство обладает абсолютной верховной властью, выражающейся в монополии на принятие окончательных решений, которая тем более неоспорима, что государство в лице верховной власти выступает в качестве персонификации всего общества или самого народа в целом. В-третьих, верховная государственная власть реализует свои полномочия неподотчётно, что выводит её за рамки управляемого ею общества, поднимая до уровня земного («смертного», по выражению Т. Гоббса) бога и делает неподконтрольной и неподнадзорной народу.

Однако историческая практика свидетельствует, что в очень редкие периоды

времени и далеко не у всех политически организованных обществ, признающих себя государствами, суверенитет проявляет себя как абсолютная, ничем и никем неограниченная форма и степень верховной власти. А бывало так, что на протяжении целой исторической эпохи, как, например, в период расцвета феодализма в Западной Европе, его практически невозможно было обнаружить как полноценное проявление сущности государства. Хотя, конечно, и сами средневековые государства вряд ли кто-то назовёт полноценными с точки зрения всех концептуальных критериев, используемых наукой для этого понятия.

Парадоксом в данном аспекте является тот факт, что современное геополитическое состояние мира на новом витке исторического развития до известной степени напоминает средневековую карту Европы, характерную для преддверия Нового времени, только с обратным знаком. Если тогда на развалинах старых имперских порядков формировались суверенные, национальные государства, то современный мир движется от системы национальных, формально суверенных государств, уже фактически утративших монополию на правовое регулирование и применение легитимного физического насилия на своей территории, через новый хаос и анархию международных отношений к иным более сложным политическим структурам [15, с. 9], видимые контуры которых позволяют делать вывод о *реставрации идей империи и имперского суверенитета* и возможности реновации *имперской государственности* в несколько обновлённых формах [8, с. 304–333]. Время малых государств прошло, их политическая независимость и самостоятельность стала абсолютно невозможной, и требование, чтобы каждый народ имел свое государство, выглядит анахронизмом.

Но таким образом, не только современный этап геополитического развития, а сам исторический опыт развития государственности показывает, что в реальной жизни достичь фактического суверенного состояния могут далеко не все государства,

даже признаваемые таковыми международным сообществом. Не случайно межгосударственные отношения выявили такие формы политической зависимости одних государств от других как протекторат, уния, фузия, вассалитет, колония, доминион и ряд других [9, с. 165–175], про которые современная юридическая наука, находясь в плену западного правового формализма, почти забыла, т. к. указанные наименования в международно-правовых документах давно уже не используются. Все 200 с лишним государств, существующих в настоящее время на планете, считаются как бы формально равными, а их очевидное неравенство и потеря фактического суверенного статуса у подавляющего большинства из них связывается с образованием и существованием ООН, подписанием международных пактов о правах человека, появлением международной юрисдикции и соответствующей системы санкций, созданием корпуса миротворческих сил и правом на гуманитарную интервенцию на территории юридически суверенных государств со стороны «международного сообщества».

Исходя из этого, как в научных исследованиях, так и в геополитической практике происходит отрицание суверенитета как необходимого качественного признака государства, что ведёт к теоретическим выводам о существовании не суверенных или полусуверенных государств, возможности делимости и дробления суверенитета, его текучести и рассеянии между множеством источников власти [32, р. 444], а следовательно, о его принципиально ограниченном характере, что находит своё выражение в закреплении различных моделей распределённого суверенитета в конституционном законодательстве различных стран [17, с. 459–473]. И если рассматривать суверенитет как реальное явление в его историческом развитии на различных этапах существования государственности у конкретных стран и народов, то этот подход, безусловно, находит своё фактическое подтверждение как в прошлом, так и в настоящем времени.

Но означает ли это, что принципу и идее суверенитета по существу уже положен конец [37, р. 73–83], или как минимум, что это понятие стало «концептуально неоднозначным» [19, с. 64–74], способным вмещать в себя различные сущности, на чём настаивают многие зарубежные и отечественные авторы? Ведь указанные выше подходы есть, по сути, возврат к идеям, которые век назад продуцировали Г. Кельзен [33, р. 320], Г. Дж. Ласки [34] и ряд других либеральных авторов, поставивших под сомнение само понятие суверенитета после Первой мировой войны, что позволило идеологам либеральной концепции правового государства выступать за подчинение верховной власти праву, подвергая её разделению в целях предотвращения узурпации, а поборникам глобализации обосновывать ограниченность государственного суверенитета рамками международного права и необходимость передачи правомочий на суверенные действия к международным организациям, выражающим интересы мирового сообщества.

Именно такая концепция «суверенитета», признающая право международного сообщества вмешиваться во внутреннюю жизнь государств, «если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить своё население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности», была установлена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН под названием «Обязанность защищать» (*The responsibility to protect; RtoP or R2P*) и стала в 2005 г. нормой международного права¹.

Но, во-первых, поскольку международное право обязано своим появлением

¹ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.2005 № 60/147, содержащую в Приложении «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права» // ООН: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles_right_to_remedy.shtml (дата обращения: 25.05.2022).

суверенным государствам, то кризис современной государственности является одновременно и кризисом международного права, которое находится в стадии разложения и постепенно перестаёт существовать в качестве действенного регулятора отношений на наднациональном уровне [22, с. 273–309], чему достаточно много свидетельств: проведённые без мандата ООН бомбардировки Югославии силами НАТО в 1999 г.; вторжение США и их союзников в Ирак в 2003 г., осуществлённое также без санкции ООН и обоснованное лживым предлогом наличия у Ирака химического оружия; военная интервенция международной коалиции на основе вооружённых сил НАТО в Ливию в 2011 г., грубо нарушающая резолюцию Совета Безопасности ООН; развязанная западными странами и ближневосточными монархиями гражданская война в Сирии, направленная на свержение её законного президента Башара Асада (с 2011 г. и фактически по настоящее время) и др.

Во-вторых, само выражение «мировое сообщество» уже давно превратилось в эвфемизм, призванный «придать общемировую легитимность действиям, отражающим интересы США и других западных стран» [24, с. 42] и используемый для идеологического оправдания их геополитической экспансии. Они сначала разрушают единство крупных и вполне дееспособных государств, устраивая в них перевороты, межнациональные конфликты и гражданские войны, ввергая их в катастрофическое состояние, а затем якобы для предотвращения геноцида и военных преступлений вводят туда, часто без санкции ООН, свои воинские контингенты. Поэтому авторами, отрицающими суверенитет как неотъемлемый признак государства или утверждающими его относительный, ограниченный и конвенциональный характер в условиях глобализации, по существу отвергается самостоятельность всех стран, кроме единственной сверхдержавы, а если в политическом верховенстве отказывается и ей, то это означает ни что иное, как перенос качества абсолютного суверена на

мировое правительство, которое в случае своего создания будет действовать исключительно в интересах транснациональной финансовой и сетевой олигархии.

В-третьих, происходившая на протяжении последних десятилетий, утрата суверенитета национальными государствами привела к колоссальной нестабильности и хаосу в международных и внутригосударственных отношениях. Однополярный мир с США в роли гегемона проявил себя как весьма нестабильная система и показал невозможность управления земным шаром из одного центра. И как уже неоднократно бывало в истории, постепенно возникает противодействие этой гегемонии и становление новых центров силы на международной арене, которые отвергают посягательства на свой суверенитет и пытаются укрепить его. К тому же перенапряжение экономики, внутривнутриполитическая борьба между демократами и республиканцами, негативный эффект от международных авантур подрывает могущество США и делает неизбежным переход к многополярному миру, что предполагает возврат государств, становящихся его силовыми полюсами, к принципу классического суверенитета в его изначальном, боденовском понимании.

В-четвертых, явная и интенсивная политизация цивилизационных факторов, обогнавшаяся на пороге XXI в., уже привела к возникновению нескольких центров силы, в лице так называемых «стержневых государств» (по выражению С. Хантингтона), способных интегрировать на основе политического, экономического и военного доминирования крупные географические регионы, народы и страны которых имеют сходный культурный код, что способствует формированию метажоуверенных образований неоимперского типа, таких как: Китай – в Юго-Восточной Азии, Индия – в Южной Азии, Бразилия – в Южной Америке, ЮАР – в Африке, Россия – в Евразии [4, с. 671–672; 13, с. 734–735; 25, с. 238]. В других регионах земного шара на эту роль претендуют Иран, Турция, Саудовская Аравия,

Германия, Польша¹. Тем самым для государств, притязающих на статус великих держав, признак и принцип суверенитета вновь получает своё основополагающее значение именно в своём классически абсолютном смысле, хотя бы в качестве потенции.

Таким образом, практика делимости и дробления суверенитета в современном мире никак не влияет на содержание самой его концептуальной идеи. Её воплощение на различных этапах эволюции государственности не может не иметь некоторых промежуточных стадий в развитии политических форм организации общества, знающих «приливы» и «отливы» на пути достижения фактического суверенитета каких-то конкретных государств в реальной действительности. С этой точки зрения все возможные варианты полноты или степени суверенитета, всегда связанные с международной или (и) внутренней конъюнктурой, являются всего лишь инструментами либо этапами подлежащей реализации идеи.

При этом ясно, что далеко не каждый народ или нация могут реализовать свои идеальные политические потенции и часто вынуждены выступать в политической реальности не как суверенные государства, а находиться в составе других государств (федераций и империй), либо пребывать в полусуверенном состоянии в зоне политического влияния великих держав или международных организаций. В то же время совсем не исключено, что в силу неравномерности политического и социально-экономического развития они могут затем вновь восстановить свой суверенитет и

выступать на международной арене в качестве вполне самостоятельных игроков, о чём свидетельствуют примеры таких государств как Индия, Иран, Китай, Россия, Турция. Следует также обратить внимание на государства, которые не претендуют на звание великой державы, но тем не менее достаточно долго сохраняют внешнюю независимость и способность проводить самостоятельную политику, несмотря на отсутствие какого-либо значительно экономического или военного потенциала: КНДР, Вьетнам, Куба, Венесуэла, Никарагуа.

Это не может не вызывать вопроса о том, что позволяет указанным выше государствам иметь или реставрировать свой суверенный статус, и вновь ставит задачу выявления политико-правовой формы выражения государственного суверенитета. И при попытках её решения не обойтись без основных постулатов классической концепции суверенитета, поскольку у её сторонников почти на все эти вопросы есть совершенно чёткие ответы, без которых всякая дискуссия о нём неизбежно заходит в тупик.

Сущность государства у них заключается в суверенитете, а он сам выступает как феномен верховной государственной власти, обладатель которой есть суверен, поскольку наделён монопольным правом и способностью принятия последних и окончательных решений по всем вопросам общегосударственного значения. Элемент *решения* в понятие суверенитета было также внесено Ж. Боденом. Говоря о различии между магистратом как подчинённым (исполнительным) звеном управления и верховным правителем (сувереном), он указал, что акт магистрата есть просто распоряжение, т. е. акт сугубо административный, в то время как акт суверена – это политическое решение, поскольку может изменять содержание государственного и правового порядка [5, с. 148, 151–152]. В конечном счёте в этом и «состоит сущность суверенитета, который юридически должен правильно определяться не как властная монополия или монополия при-

¹ См.: Борьба империй. Попытки современных держав поделить мир // Военное обозрение: [сайт]. URL: <https://topwar.ru/162056-borba-imperij-sovremennye-derzhavy-pytajutsja-podelit-mir.html> (дата обращения: 22.05.2021); В Польше хотят возродить Речь Посполитую // EurAsia Daily: [сайт]. URL: <https://easaily.com/ru/news/2018/04/06/v-polshe-hotyat-vozrodit-rech-pospolituyu> (дата обращения: 22.05.2021); Эрдоган объявил о переименовании Турции в Османскую империю, а должности президента в султана // Панорама: [сайт]. URL: <https://panorama.pub/4541-erdogan-obyavil-ob-osmanskoj-imperii.html> (дата обращения: 22.05.2021).

нуждения, но как монополия решения» [28, с. 26], исключительного и последнего, а потому не подлежащего оспариванию, обжалованию и пересмотру.

Таким образом, суверенитет как феномен верховной власти с юридической стороны «является понятием, выражающим иерархичность отношений между официальными носителями власти в государстве, утверждающим, что в этих отношениях должна быть некая высшая точка, некий *высший центр действия*, обладающий способностью последних решений» [3, с. 540]. «Если такого верховного носителя нет, если последнее решение за государство выносит кто-то другой, то это уже не государство, а провинция, область или что-то иное, входящее в сферу каких-то суверенных властных отношений как вполне самостоятельный член» [3, с. 540]. Однако фактически то же самое происходит с государством в случае, когда официальный носитель верховенства присутствует в нём как некая формальная инстанция, на деле дублирующая чьи-то решения извне, безотносительно выступает ли их акторами единственная сверхдержава или какой-то транснациональный кластер. В таком состоянии пребывают, например, члены Европейского Союза, Япония и Южная Корея, превратившиеся, судя по тому как их вгоняют в санкционную компанию против России вопреки их реальным интересам, в сателлитов и вассалов США, несмотря на сохранение почти всех внешних атрибутов самостоятельности.

Идея суверенитета и парадоксы верховной власти

В связи с этим становится понятным, что «*высший центр действия*» в государстве, *принимающий последние решения* и организующий их проведение в жизнь, может быть не только официальным, но и не официальным, не только явным и публичным, но также скрытым от общества, тайным, а значит нелегальным и нелегитимным. Поэтому для суверенитета как феномена верховной власти и его

юридической сущности как монополии высшей инстанции на окончательные решения, касающиеся всего государственно-го организма, огромную важность имеет вопрос о содержательной правильности этих решений, их соответствии генеральной функции государства, заключающейся в обеспечении выживания и сохранения государствообразующего народа, что предполагает его политическое единство и целостность по отношению к внешнему миру, а следовательно, воспроизводство его суверенного государственного статуса, которые верховная власть, действительно принадлежащая к данному государству, объективно не может не ставить выше любых иных социальных целей и интересов. В противном случае государству грозит саморазрушение, а его народу исчезновение с исторической сцены.

Следовательно, несмотря на то, что верховная власть действует неподотчётно и бесконтрольно, находясь видимым образом над государством и государствообразующим народом, её решения не могут быть выражением безграничного произвола властителей или проявлением их ничем неограниченной воли. Это уже хорошо понимали Ж. Боден и его последователи, утверждая, что суверен всегда действует не в плане собственного блага, а имея в виду благо всего политического сообщества, государства в целом [23, с. 137]. Но действовать именно таким образом может лишь *национально ориентированная верховная власть*, признаваемая автохтонным населением и способная хотя бы в главном и основном удовлетворять национальные чаяния и потребности. Но это означает, что она ментально, по своему мировосприятию и мировоззрению, должна принадлежать государствообразующему народу, экзистенциально находиться вместе с ним, а не над ним, являться его составной частью, пусть самой высокой и наделённой особым статусом, что вполне согласуется с её ролью, местом и назначением. Именно ориентация на национальные интересы порождает стремление верховной власти к самостоятельной внешней и внутренней

политике и питает её претензии на фактический суверенитет, которые должны постоянно подтверждаться на практике контролем над государственной территорией, эффективным управлением, лояльностью и поддержкой населения внутри государства и успешной защитой своих границ, утверждением себя в качестве надёжного партнера или союзника, грозного конкурента или гегемона во вне.

Значит ли это, что Ж. Маритен и другие авторы [14, с. 168–168; 26, с. 35], помещающие верховную власть вне государства или, вернее, над ним, не правы? И да, и нет. «Парадокс суверенной власти», если несколько перефразировать Д. Агамбена, заключается в том, что суверен в одно и то же время находится внутри и за пределами государства и его правовой системы [2, с. 22], а его положение по отношению к ним всегда двойственно [2, с. 64].

С одной стороны, верховная власть, устанавливая и поддерживая определённый государственный и правовой порядок в нормальной ситуации повседневной жизни не испытывает необходимости выходить за его пределы. Её решения, принимаемые в обычных условиях, не носят по отношению к общественному организму характер внешней, трансцендентной силы и непосредственно *включаются* в правовой порядок как нечто имманентное конституционному статусу государственных структур, осуществляющих публичное управление. Складывается впечатление, что верховная власть принадлежит одновременно и государству, и правовому порядку, причём последнему даже в большей степени (принцип, который кажется непреложным для современного понимания демократии и правового государства), ограничиваясь почти исключительно функцией поддержания последнего и оставаясь где-то в тени или на заднем плане политической реальности в качестве его гаранта. По сути, верховная власть пребывает в условиях стабильной нормальности как бы в спящем состоянии, и она может находиться в нём неопределённо долго, существуя как собственная возможность, не

переходящая в действительность. Отсюда возникает тенденция к устранению самой категории верховной власти и суверенитета из юридического лексикона, характерная для современной теории правового государства.

С другой стороны, носитель верховной власти в экстраординарных ситуациях, грозящих государству разложением и (или) гибелью, правомочен принимать решения, даже если они по форме и содержанию не соответствуют конституции. Из этого вытекает классическая формула суверенитета К. Шмитта: «Суверен тот, кто принимает решения о чрезвычайном положении» [28, с. 15].

В действующем законодательстве такого рода ситуации характеризуются самое лучшее как случай крайней необходимости либо путём перечисления угроз существованию государства, но не могут быть описаны по своему фактическому составу¹. Невозможно с достаточной ясностью и полнотой изложить в тексте закона не только общее правило, когда наступает такой случай, но и определить по содержанию, что должно произойти для его устранения. Но именно этот случай актуализирует вопрос о суверенитете и его непосредственном носителе, поскольку ставит вопрос о самом существовании государства, а при таких условиях предпосылки и содержание компетенции носителя верховной государственной власти становятся неограниченными и он может быть определён по факту (как, например, в революционной ситуации), путём присвоения себе полномочий по приостановлению или прекращению действия всего существующего порядка либо по его кардинальному обновлению. Решения суверенной власти освобождаются здесь от любой нормативной связанности и становятся в собственном смысле слова абсолютными [28, с. 17–25]. И она начинает представляться совершен-

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении» (ст. 3) // СПС Консультант Плюс: [сайт]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866 (дата обращения: 22.03.2022).

но самостоятельной и ни от чего не зависящей субстанцией, целью для себя самой, а не средством, обеспечивающим более высокие цели сохранения государства и выживания государствообразующего народа. Спасение государства становится здесь, в соответствии с древнеримским изречением, высшим законом, и для этого верховная власть может применять любые меры и использовать любые средства. Само её наличие становится условием такого спасения. Поэтому ей принадлежит право чрезвычайных надправовых решений, она становится выше права, по крайней мере, выше обычно действующего законодательства. Соответственно, все абстрактно абсолютные политико-правовые возможности верховной власти становятся реальностью, жизненным фактом. И «идеализм суверенитета достигает присущей ему действительности» [6, с. 318].

Принцип идеальных возможностей верховной власти имманентно присущ определению суверенитета, которое не может не включать его в себя, ибо в предельном состоянии чистая возможность переходит в действительность, становясь неразличимой с ней, и эта зона неразличимости и есть собственно суверенность [2, с. 64-65]. В этом смысле любое государство, стремящееся к реальному суверенитету, всегда основывается на идее возможности, которая заключается в том, чтобы привести к единству два элемента любой власти: её вероятный потенциал и форму его реализации [31, р. 289]. Такой подход к идее государственного суверенитета, которая и определяет его понятие, остаётся по-прежнему актуальным в целом и полностью отвечающим современности, в частности потому, что «чрезвычайное положение всё более стремится стать доминирующей парадигмой современной политики» [1, р. 9], а соответствующие ему формы и методы, которые ранее было принято считать временной мерой, повсюду уже давно стали парадигмой обычного нормотворчества и управления [22, с. 197-211].

Однако даже в условиях чрезвычайной ситуации верховная власть не может быть

абсолютно свободной в выборе своих ориентиров и способов действия, оставаясь зависимой от определяющей их цели сохранения государства и выживания его народа. Более того, данная функция составляет основное предназначение и смысл существования верховной власти. Она делает не то, что ей вздумается, а в очень значительной степени, что она должна и может при данных обстоятельствах. Если верховная власть меняет эту интенцию своей воли, то перестаёт быть суверенной, т. е. быть самой собой, меняя тем самым свою природу, а государство прекращает своё фактическое бытие в этом статусе. Поэтому её решения в исключительных обстоятельствах не могут являться выражением субъективных желаний лица или лиц, занимающих самое высокое иерархическое положение в государстве, а выступают как акты верховного политического управления, детерминированные исключительно волей к тому состоянию общественной жизни, которое принято характеризовать неопределённым выражением «благо государства». Она не может быть индифферентна положению, в котором находится государство, и этом смысле всегда принадлежит ему, обладая одновременно правом реформировать его, переводя в новое заданное ею самой или объективными обстоятельствами состояние.

Таким образом, не только в условиях чрезвычайного положения, как считал К. Шмитт, но и в нормальной ситуации суверен стоит и «вне нормально действующего правопорядка», и одновременно «всё же принадлежит ему, ибо он компетентен решать, может ли быть *in toto* приостановлено действие конституции» [28, с. 17]. Но это также относится и к изменению отдельных её норм или замене её новым Основным законом, если суверен посчитает это необходимым. Исключительный случай лишь в наибольшей степени проявляет сущность верховной власти и потому лучше пригоден для юридической дефиниции суверенитета.

Из этого следует, что и в нормальных, и в чрезвычайных обстоятельствах вер-

ховная власть фактически суверенного государства должна обладать искренним стремлением выразить и воплотить в жизнь его долгосрочные стратегические интересы, для чего необходимо сохранять традиционные социально-нравственные ценности, выработанные государствообразующим народом в процессе своего исторического развития, которые не могут быть предметом компромисса или геополитического торга и должны защищаться ею любой ценой и по возможности продвигаться во вне. Именно с этих позиций суверенитет для государствообразующего народа выступает как «жизненный символ высшего порядка. Им различаются субъекты и объекты политических событий не только внутренней, но и, что гораздо важнее, внешней истории» [29, с. 387], которая всегда была, есть и будет историей государств. Народ действителен только в отношениях с другими народами, и нация, которая желает актуализовать свои жизненные силы во внешнем мире, должна строить себя как государство. Поэтому *изначально суверенитет в своём внешнем выражении равнозначен понятию государства в широком смысле как формы жизни определённого народа, страны, исторического общества, тождествен им.*

Эту мысль в своём «Трактате о сеньориях» (1608 г.) прямо и однозначно выразил ещё ученик Ж. Бодена Ш. Луазо: «Суверенитет есть та форма, что придаёт бытие государству; она никоим образом неотделима от государства, которое лишившись её перестаёт быть государством... Государство и суверенитет, взятый *in concreto*, суть синонимы» [35, р. 26]. Не случайно упадок национальных государств многие авторы связывают с утратой ими своих суверенных правомочий.

Исходя из этого, серьёзная методологическая ошибка считать суверенитет свойством государственной власти, как это достаточно часто делается в литературе. *Суверенитет есть принадлежность и качественное состояние государства, определяющее его фактический и юридический статусы как во внутренней жизни, так и*

на международной арене. Государственная власть представляет собой лишь один из основных его элементов, наряду с территорией и населением. Её основным качеством является не суверенитет, а суверенность, понимаемая как внутреннее верховенство по отношению к другим видам социальной власти и авторитета в пределах территории государственно-организованного общества, что даёт ей правовую возможность определять их статус и контролировать их деятельность. Принципиальная связанность, но не тождественность понятий суверенитета и суверенности была детально обоснована И. А. Исаевым [11, с. 9–32].

Во внутренней структуре государства верховенство государственной власти проявляется в наличии в её системе высшей инстанции, завершающей собой государственную организацию «сверху» и концентрирующей в своих руках полномочия на принятие последних, окончательных решений по *всем* вопросам общегосударственного значения. Эта инстанция формально юридически выступает как верховная власть государства. Основная принципиальная особенность её статуса состоит в том, что она стоит вне права или даже над ним, обладая сверхъюрдической природой. В случае если её формальный статус переходит в реальный, в её организации и деятельности происходит трансформация суверенности в суверенитет, т. к. она, во-первых, есть власть *универсальная*, заключающая в себе все виды управленческой деятельности (законодательную, исполнительную, судебную, контрольно-надзорную), в т. ч. *учредительная* (способная прекращать старый и создавать новый государственный порядок), во-вторых, *власть – крайняя* (последних решений) и *чрезвычайная* (надправовых решений), в третьих, *власть – дискреционная* (в значительной степени свободная в своих решениях) [12, с. 337–360]. Поэтому «когда мы говорим о суверенитете и привязываем его к государственной власти, то здесь речь идёт о государственной власти в одном единственном смысле – как о власти верховной» [21, с. 163].

Именно верховная власть, обладающая способностью последних решений, выступает реальным (фактическим) и формальным (организационно-правовым) выражением суверенитета государства. Её наличие является необходимым условием достижения им своих внутренних и внешних функциональных целей: обеспечения выживания и воспроизводства государствообразующего народа путём установления и поддержания относительно справедливого политико-правового порядка внутри страны; обеспечения самостоятельного и независимого существования государствообразующего народа среди других стран и народов как необходимой гарантии его сохранения и возможности развития. Но иметь характер реально верховной, суверенной власти может лишь *национально ориентированная верховная власть*, осуществляющая управление в интересах всех управляемых, на чём и покоятся принципы её безусловного авторитета и легитимности как внутри страны, так и во вне.

В связи с этим совершенно несостоятельной как в практической плоскости, так и в теоретическом плане выглядят концепции народного и национального суверенитета. Они как явления не существуют и не могут существовать сами по себе отдельно и помимо государства. Нация или народ в качестве политического субъекта всегда выступают как один из элементов государства, его этносоциальная основа и источник, вернее, один из источников государственного суверенитета. Но сам суверенитет как феномен верховной власти принадлежит исключительно государству. Ни весь народ, ни нация в целом не способны быть последней, окончательной инстанцией при принятии решений общегосударственного значения, особенно в чрезвычайных, экстраординарных ситуациях. Они являются объектом верховной власти, а не её субъектом. Не случайно отождествление субъекта и объекта верховной власти стало основным логическим противоречием либерально-демократических и социалистических теорий XIX–XX вв., оставшимся неразрешимым и

для практики современной государственности. Поэтому о народном суверенитете можно говорить лишь в том смысле, «что народ вообще является по отношению к *внешнему миру* самостоятельным и составляет собственное государство» [6, с. 320], *обладая своей национально ориентированной верховной властью*, осуществляющей властные функции и полномочия в его долгосрочных интересах. Что касается конституционного принципа народного суверенитета, то с научной точки зрения он может рассматриваться лишь как правовая форма легитимации и репрезентации народонаселением данной верховной власти и установленного ею политического режима.

Юридическая организация верховной власти может состоять: из одного высшего единоличного или коллегиального государственного органа – самодержавного (абсолютного) монарха, аристократического совета или парламента; из нескольких высших органов государственной власти – главы государства, парламента, правительства. Она может иметь в своём составе не вполне оформленные структуры (центуриатные и трибунные комиссии – в республиканском Риме, вече – в Киевской Руси, избирательный корпус – в демократических государствах Нового и Новейшего времени).

Поэтому, формально, верховная власть выступает в любом государстве и при любой форме правления как государственно-правовой институт, включающий в себя: а) высшие органы государственной власти и иные структуры, обладающие правом принимать или участвовать в принятии решений общегосударственного (суверенного) значения; б) порядок (правила и процедуры) наделения, распределения и (или) концентрации правомочий по решению этих вопросов между ними. Содержание этого института определяет конкретную форму правления в том или ином государстве, название которой, как правило, указывает на наиболее полномочного актора суверенных прав: например, абсолютная, дуалистическая или парламентарная монархия;

президентская, парламентарная или полупрезидентская республики. Таким образом, выясняется прямая связь формы правления с суверенитетом государства, формально-юридической организацией его *верховой власти*.

Однако правовая организация верховной власти ничего не говорит о её реальной организации и даже может вуалировать её, поскольку верховная власть может быть и не институционализирована, действовать вне правового поля, существовать тайно и анонимно, находиться за пределами государства, которое в таком случае управляется извне. В настоящее время именно таким образом происходит функционирование подавляющего большинства формально суверенных государств, где конституционно установленные институты превратились в фасад, политико-правовую фикцию, обслуживая интересы глобальных корпораций, в связи с чем реальные правомочия на принятие государственно значимых решений и контроль за их исполнением перешли к корпоративным олигархическим кланам, осуществляющим свою власть посредством закрытых, полуконспиративных структур.

В таких обстоятельствах поиски фактического суверена становятся бесплодными. Куда важнее является возвращение к основополагающему принципу, которым должны руководствоваться в своей деятельности и процессе воспроизводства правящие элиты государств, которые желают приобрести и (или) сохранить реальный суверенитет в условиях смены парадигмы общественного развития и становления нового мирового порядка.

Реальным фактическим сувереном в любом государственно организованном обществе всегда был, есть и будет узкий слой лиц внутри господствующего сословия или класса, причастных к принятию решений общегосударственного значения, «замкнутое меньшинство», обладающее государственным инстинктом и способное осуществлять политическое руководство [29, с. 386–389] не в интересах крупного корпоративного капитала или каких-то

иных господствующих групп, а *всего* государствообразующего народа, обеспечивая ему независимое существование в геополитической борьбе.

Именно такая концепция верховной власти обосновывается Сократом в знаменитом трактате Платона «О государстве»: «всякая власть, поскольку она власть, имеет в виду благо не кого иного, как тех, кто ей подвластен и ею опекаем» [20, с. 102]. Об этом же пишет и О. Шпенглер, указывая, что государство «по своей идее есть попечение обо всех и лишь в меру этого – попечение также и о знати. Однако подлинная знать <...> приравнивает себя к государству и печётся обо всех как о собственности», относя такое попечение к своим «благороднейшим обязанностям» и «прирождённому преимущественному праву», видя в этом своё «подлиннейшее призвание» [26, с. 386].

По сути, в данном аспекте речь идёт о правящем слое как некоем верховном «внутреннем авторитете», выделяемом из себя политически организованным обществом, вбирающем в себя все лучшие социальные силы, способном работать на всё общество и быть одновременно автономным от него, пренебрегая противоречивыми и часто враждебными классовыми, сословными и партийными интересами, превращающими государственную политику в гешефт. Это «чистая» (идеальная) функция верховной власти, существующей исключительно ради удовлетворения общественной потребности в управлении без оглядки на частные и групповые выгоды и ставящей себя над ними, в которой выражается платоновское понимание политики как искусства управления государством. Именно такое положение верховной власти относительно всех других общественных сил даёт ей возможность синхронного пребывания и внутри государства и над ним, выступая, с одной стороны, высшей точкой его устойчивости и прочности, а с другой – позволяющей ей проявлять себя в роли мягкого реформатора или, в случае необходимости, революционного преобразователя существующего порядка. Демократия не отменяется, но ставится на подобающее ей место и выполня-

ет функцию легитимации и репрезентации верховной власти.

Заключение

Генеральные функции верховной власти заключаются в организации на длительную перспективу хорошо работающей системы публичного управления и поддержании государственного аппарата и всего народа в «хорошей форме» (в спортивном значении этого слова), воспитывая во всех чувства долга, чести, самоотверженности, дисциплины и великой миссии сохранения и развития государства и государствообразующего народа.

Грядут, по-видимому, тяжелейшие времена из всех, какие знала история. И только государство, находящееся «в форме» и выступающее как духовно-нравственное единство верховной власти и народа, опирающееся на собственные культурные и политико-правовые традиции, способно вырвать на финише становления нового мирового порядка приз суверенного существования. Правила в новом мире «будут задавать именно сильные, суверенные государства». Все остальные «обречены на то, чтобы стать или остаться бесправной колонией»¹.

Таким образом, категория *суверенитета* по-прежнему представляет наи-

больший интерес из всех юридических понятий, поскольку именно *в его идее заключается сущность государства*. Он никоим образом неотделим от государства, которое, лишившись его, практически перестаёт быть таковым. Суверенитет – это политико-правовое состояние государства, выражающееся в наличии собственной, национально ориентированной верховной власти, выполняющей функцию управления государством как единым целым и концентрирующей монопольное право на принятие окончательных решений по всем вопросам общегосударственного значения, результатом чего является независимое и самостоятельное существование государствообразующего народа, дающее ему возможность выживания, воспроизводства и развития при сохранении своей культурной идентичности.

Поэтому авторы, которые пытаются преобразовать саму идейную концепцию суверенитета применительно к вызовам глобализации, помещая его в рамки национального законодательства и (или) международного права, осознанно или нет лишают всякого положительного смысла не только и не столько эту концепцию, сколько сам архетип государства.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Д. Номо sacer. Чрезвычайное положение / пер. с итал. М. Велижева. М.: Европа, 2011. 148 с.
2. Агамбен Д. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь / пер. с итал. Е. Левиной. М.: Европа, 2011. 256 с.
3. Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 386–624.
4. Бабурин С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2005. 767 с.
5. Боден Ж. Метод легкого познания истории / пер. М. С. Бобковой. М.: Наука, 2000. 411 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
7. Грачев Н. И. Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества. М.: Зерцало-М, 2009. 320 с.
8. Грачев Н. И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития. М.: Книгодел, 2009. 468 с.
9. Грачев Н. И. Формы государственного устройства в современном мире: основы теории и конституционно-правовая практика. Волгоград: ВА МВД России, 2020. 524 с.

¹ Выступление Президента России Владимира Путина на ПМЭФ // Независимая: [сайт]. URL: https://www.ng.ru/economics/2022-06-17/100_p17062022.html (дата обращения 17.06.2022).

10. Дмитриев Ю. А., Миронов В. О. Признаки государства: понимание и интерпретации // Государство и право. 2010. № 10. С. 5–16.
11. Исаев И. А. Суверенитет и суверенность: пространство отчужденности и власти // Lex russica. 2016. № 5 (114). С. 9–32.
12. Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора. М.: ФондИВ, 2007. 600 с.
13. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
14. Костогрызов П. И. Верховная власть: забытая категория политической науки? // Полития. 2021. № 4. С. 163–182.
15. Кревальд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
16. Левин И. Д. Суверенитет. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 375 с.
17. Любашиц В. Я., Разуваев Н. В. Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель. М.: РИОР, Инфра-М, 2018. 532 с.
18. Маритен Ж. Человек и государство. М.: Идея-Пресс, 2000. 196 с.
19. Мусихин Г. И. Концептуальная неоднозначность понятия «суверенитет» (Сравнительный анализ взглядов Карла Шмитта и Ганса Кельзена) // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 64–74.
20. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79–420.
21. Поздняков Э. А. Философия государства и права. М.: Полиграф-Сервис, 1995. 312 с.
22. Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетейя, 2020. 350 с.
23. Федорова М. М. Суверенитет как политико-философская категория современности // Философский журнал. 2009. № 2. С. 154–164.
24. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.
25. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
26. Хорошильцев А. И. О понятии власти государства // Провинциальные научные записки. 2017. № 2 (6). С. 35–37.
27. Чиркин В. Е. О сущности субъекта федерации: традиции и реалии // Государство и право. 2003. № 7. С. 5–9.
28. Шмитт К. Четыре главы к учению о суверенитете // Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2002. С. 15–98.
29. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. 606 с.
30. Bodin J. Les six livres de la Republique. France, Fauard, 1986. 209 p.
31. Histoire des ideologies / dir. F. Châtelet, G. Mairet. Paris: Hachette, 1978. 446 p.
32. Jaysuriya K. Globalization, Law and the Transformation of Sovereignty: The Emergence of Global Regulatory Governance // Indiana Journal of Global Legal Studies. 1999. № 6 (2). P. 425–455.
33. Kelsen H. Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts. Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1928. 332 p.
34. Laski H. J. Studies in the Problem of Sovereignty. New Haven: Yale University Press, 1917. 297 p.
35. Loyseav Ch. Traicte Des Seignevries. Geneve: Par Philippe Albert, 1620. 306 p.
36. Maistre J. de. Etude sur la souverainete // Maistre J. de. Oeuvres complètes de l'abbé de Mably. Vol. 1. Lyon Ed Vitte, 1884. P. 309–534.
37. Traub J. Absolute Fiction: The Perversion of Sovereignty // The World Affairs. 2009. Winter. P. 73–83.

REFERENCES

1. Agamben D. Homo sacer. Stato di eszezione (Rus. ed.: Velizhev M., transl. *Homo saser. Chrezvychaynoye polozeniye*. Moscow, Yevropa Publ., 2011. 148 p.).
2. Agamben D. Homo sacer. Il potere sovrano e la vita nuda (Rus. ed.: Levina E. M., transl. *Homo sacer. Suverennaya vlast i golaya zhizn*. Moscow, Yevropa Publ., 2011. 256 p.).
3. Alekseev N. N. [The current situation in the science about the state and its immediate tasks]. In: *Russkiy narod i gosudarstvo* [Russian people and the state]. Moscow, Agraf Publ., 1998, pp. 386–624.
4. Baburin S. N. *Mir imperiy: territoriya gosudarstva i mirovoy poriyadok* [World of empires: the territory of the state and the world order]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr «Press» Publ., 2005. 767 p.
5. Boden J. Methodus ad facilem historiarum cognitionem (Rus. ed.: Bobkova M. S., transl. *Metod legkogo poznaniya istorii*. Moscow, Nauka Publ., 2000. 411 p.).

6. Hegel G. W. F. *Philosophie des Rechts* (Rus. ed.: Stolpnerb. G., Levin M. I., transl. *Filosofiya prava*. Moscow, Mysl Publ., 1990. 524 p.).
7. Grachev N. I. *Proiskhozhdeniye suvereniteta: Verkhovnaya vlast v mirovozzrenii i praktike gosudarstvennogo stroitelstva traditsionnogo obshchestva* [Origin of sovereignty: Supreme power in the worldview and practice of state building in a traditional society]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2009. 320 p.
8. Grachev N. I. *Gosudarstvennyy suverenitet i formy territorialnoy organizatsii sovremennogo gosudarstva: osnovnyye zakonomernosti i tendentsii razvitiya* [State sovereignty and forms of territorial organization of the modern state: main patterns and development trends]. Moscow, Knigodel Publ., 2009. 468 p.
9. Grachev N. I. *Formy gosudarstvennogo ustroystva v sovremennom mire: osnovy teorii i konstitutsionno-pravovaya praktika* [Forms of government in the modern world: fundamentals of theory and constitutional and legal practice]. Volgograd, VA MVD Rossii Publ., 2020. 524 p.
10. Dmitriev Yu. A., Mironov V. O. [Signs of the state: understanding and interpretation]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2010, no. 10, pp. 5–16.
11. Isaev I. A. [Sovereignty and sovereignty: the space of alienation and power]. In: *Lex russica*, 2016, no. 5 (114), pp. 9–32.
12. Kazansky P. E. *Vlast Vserossiyskogo Imperatora* [Power of the All-Russian Emperor]. Moscow, FondIV Publ., 2007. 600 p.
13. Kissinger G. *Diplomacy* (Rus. ed.: Lvov V., transl. *Diplomatiya*. Moscow, Ladomir Publ., 1997. 848 p.).
14. Kostogryzov P. I. [Supreme power: a forgotten category of political science?]. In: *Politiya* [Politiya], 2021, no. 4, pp. 163–182.
15. Crevald M. van. The rise and fall of the state (Rus. ed.: Kuznetsov Yu., Makeev A., eds. *Rastsvet i upadok gosudarstva*. Moscow, IRISEN Publ., 2006. 544 p.).
16. Levin I. D. *Suverenitet* [Sovereignty]. Moscow, Yurid. izd-vo MYU SSSR Publ., 1948. 375 p.
17. Lyubashchits V. Ya., Razuvaev N. V. *Evolutsiya gosudarstva: istoricheskaya dinamika i teoreticheskaya model* [Evolution of the State: Historical Dynamics and Theoretical Model]. Moscow, RIOR Publ., Infra-M Publ., 2018. 532 p.
18. Maritain J. *Man and State* (Rus. ed.: Lifintseva T., transl. *Chelovek i gosudarstvo*. Moscow, Idea-Press Publ., 2000. 196 p.).
19. Musikhin G. I. [Conceptual ambiguity of the concept of «sovereignty» (Comparative analysis of the views of Karl Schmitt and Hans Kelsen)]. In: *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social sciences and modernity], 2009, no. 3, pp. 64–74.
20. Plato. [State]. In: Plato. *Sobraniye sochineniy. T. 3* [Collected Works. Vol. 3]. Moscow, Mysl Publ., 1994, pp. 79–420.
21. Pozdnyakov E. A. *Filosofiya gosudarstva i prava* [Philosophy of state and law]. Moscow, Polygraph-Service Publ., 1995. 312 p.
22. Ruvinsky R. Z. *Pravoporyadok v period globalnogo krizisa: transformatsii, tendentsii, ugrozy* [Law and order during the global crisis: transformations, trends, threats]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2020. 350 p.
23. Fedorova M. M. [Sovereignty as a political and philosophical category of modernity]. In: *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal], 2009, no. 2, pp. 154–164.
24. Huntington S. [A clash of civilizations?]. In: *Polis* [Polis], 1994, no. 1, pp. 33–48.
25. Huntington S. *Clash of Civilizations* (Rus. ed.: Novikov Yu., transl. *Stolknoveniye tsivilizatsiy*. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.).
26. Khoroshiltsev A. I. [On the concept of state power]. In: *Provintsialnyye nauchnyye zapiski* [Provincial Scientific Notes], 2017, no. 2 (6), pp. 35–37.
27. Chirkin V. E. [On the essence of the subject of the federation: traditions and realities]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2003, no. 7, pp. 5–9.
28. Schmitt K. [Four chapters to the doctrine of sovereignty]. In: Schmitt K. *Politicheskaya teologiya* [Political Theology: the collection]. Moscow, KANON-press-Ts Publ., 2002, pp. 15–98.
29. Spengler O. *Sonnenuntergang Europa. Aufsätze der Morphologie der Weltgeschichte. T. 2. Weltgeschichtliche Perspektiven* (Rus. ed.: Svasyan K. A., transl. *Zakat Yevropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. T. 2. Vsemirno-istoricheskiye perspektivy*. Moscow, Mysl Publ., 1998. 606 p.).
30. Bodin J. *Les six livres de la Republique*. France, Fauard, 1986. 209 p.
31. Châtelet F., Mairat G., eds. *Histoire des ideologies*. Paris, Hachette, 1978. 446 p.
32. Jaysuriya K. Globalization, Law and the Transformation of Sovereignty: The Emergence of Global Regulatory Governance. In: *Indiana Journal of Global Legal Studies*, 1999, no. 6 (2), pp. 425–455.

33. Kelsen H. Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts. Tübingen, Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1928. 332 p.
34. Laski H. J. Studies in the Problem of Sovereignty. New Haven, Yale University Press, 1917. 297 p.
35. Loyseau Ch. Traicte Des Seigneuries. Geneve, Par Philippe Albert, 1620. 306 p.
36. Maistre J. de. Etude sur la souverainete. In: Maistre J. de. *Oeuvres completes*. Vol. 1. Lyon Ed Vitte, 1884, pp. 309–534.
37. Traub J. Absolute Fiction: The Perversion of Sovereignty. In: *The World Affairs*, 2009, Winter, pp. 73–83.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации;

e-mail: grachev.n.i@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay I. Grachev – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs Russian Federation;

e-mail: grachev.n.i@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Грачев Н. И. Методологические проблемы исследования суверенитета и его политико-правовая природа в условиях становления многополярного мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 67–84.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-67-84

FOR CITATION

Grachev N. I. Methodological Problems of the Study of Sovereignty and Its Political and Legal Nature in the Conditions of the Formation of a Multipolar World. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 3, pp. 67–84.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-67-84